

Склоненіе современнаго безбожія къ упадку.

Причины угасанія современнаго безбожія — общія и частныя.

Общая причина упадка современнаго безбожія заключается въ измѣнчивости историческихъ эпохъ. При необыкновенной текучести жизни и разнообразіи формъ ся проявленія характеръ эпохъ мѣняется. Ни одна форма жизни, ни одно направленіе мысли не занимаютъ господствующаго положенія и не развиваются съ неуклонною послѣдовательностію въ продолженіи многихъ сотенъ или тысячъ лѣтъ. Вездѣ и во всемъ движеніе впередъ смѣняется остановками, блужданіями по окольнымъ путямъ и возвратомъ назадъ. Каждое проявленіе жизни возникаетъ, усиливается, достигаетъ высшей степени развитія, затѣмъ ослабѣваетъ, и наконецъ совсѣмъ прекращается. Такъ, напр., соотвѣтственно стадіи развитія, духу времени, характеру народа и другимъ условіямъ, мѣняются формы правленія. Одни и тѣже, или различные народы и племена въ разное время своего существованія переживали образъ правленія патріархальный, теократическій, деспотическій, монархическій, олигархическій, аристократическій, республиканскій. До учрежденія греческихъ и римской республикъ во всемъ свѣтѣ не было республиканской формы правленія; просуществовала она у Грековъ и Римлянъ нѣсколько сотъ лѣтъ и исчезла съ лица земли на долгое время; но сто лѣтъ тому назадъ опять возродилась и въ настоящее время существуетъ во многихъ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта; но удержится-ли она на всегда, или нѣтъ — сказать никто не можетъ. Аналогичный этому примѣру изъ

жизни государственной можно привести примѣръ изъ исторіи философской мысли. Въ классическомъ мірѣ въ числѣ прочихъ философскихъ направленій мысли былъ и матеріализмъ, но скоро заглохъ и не существовалъ въ теченіи почти двухъ тысячъ лѣтъ; только уже во второй половинѣ прошлаго вѣка онъ возродился съ удвоенной силой, но господствовалъ не долго; затѣмъ съ сороковыхъ годовъ нашего вѣка онъ опять возникъ, имѣлъ большую силу и широкое распространеніе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, а теперь опять замираетъ, и не извѣстно, когда вновь возстанетъ. Подобнымъ же образомъ въ вѣка, предшествовавшіе началу христіанской эры и слѣдовавшіе за ней, въ философіи господствующимъ направленіемъ былъ дуализмъ, но тогда же онъ и прекончилъ свое существованіе и ни разу съ тѣхъ поръ не возникалъ. Пантеизмъ многократно проявлялся въ разныхъ видахъ, каждый разъ оказывалъ сильное вліяніе на мысль и жизнь, но господство его никогда не было продолжительнымъ. Такъ смѣнялись одна другою системы философіи, ни одна изъ нихъ не оставалась господствующей, и господство каждой продолжалось едва десятки лѣтъ, за исключеніемъ философіи Платона и Аристотеля, вліяніе которыхъ продолжалось много вѣковъ. Въ частности, матеріализмъ проявлялся только три раза, и три раза же, одновременно съ нимъ, усиливалось сродное ему безбожіе. Ослабѣвалъ, а затѣмъ впадалъ и въ совершенное забвеніе философскій матеріализмъ, послѣ чего и порожденный имъ практическій матеріализмъ, лишившись опоры, удерживался не долгое время. Параллельно съ возрастаніемъ матеріализма усиливался и атеизмъ, а упадокъ матеріализма сопровождался ослабленіемъ, а затѣмъ исчезновеніемъ атеизма, сначала теоретическаго, потомъ и практическаго. Такъ было это въ Римской имперіи предъ Рождествомъ и послѣ Рождества Іисуса Христа; то же было и въ періодъ первой французской революціи; та же постепенность роста и упадка теоретическаго и практическаго матеріализма и связаннаго съ нимъ теоретическаго и практическаго безбожія замѣчается и въ послѣднее полу столѣтіе. Матеріализмъ и атеизмъ подвержены общему закону всякаго существующаго во времени бытія, — закону

роста, разцвѣта, увяданія и смерти или прекращенія существованія.

Кромѣ закона непостоянства, измѣнчивости и недолговѣчности формъ жизни и направленій мысли, упадокъ современнаго безбожія имѣетъ и другую общую причину — законъ борьбы противоположностей. Одна крайность вызываетъ другую крайность, — свою противоположность. Это законъ жизни. Онъ проявляется какъ въ исторической жизни народовъ, такъ и въ частной жизни людей. Вездѣ и всегда идетъ скрытая и явная борьба между различными формами жизни и направленіями мысли, — борьба изъ за преобладанія. Результатомъ столкновения различныхъ теченій жизни и мысли бываетъ паденіе того, что было вверху, и возвышеніе того, что было внизу, а иногда противоположности взаимно уравниваются, крайности сглаживаются и возникаютъ новыя формы жизни. Богатство, располагая къ изнѣженности, роскоши и мотовству, доводитъ своихъ владѣльцевъ до разоренія и нищеты. Напротивъ, скудость, приучая къ труду, къ бережливости и умѣренности, становится источникомъ обогащенія, или, по крайпей мѣрѣ, довольства и избытка: нужда — мать изобрѣтеній. Такіе переходы богатства въ нищету и бѣдности въ изобиліе бываютъ въ жизни не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Даже духовное богатство, представляющее силу, несравненно болѣе прочную, нежели тлѣнныя сокровища, часто имѣетъ склонность переходить въ свою противоположность: высокій полетъ и сильное напряженіе мысли ведутъ къ утомленію ея, и за вѣками просвѣщенія слѣдуютъ времена упадка его и положительнаго одичанія; у просвѣщенныхъ народовъ образованность начинаетъ гложуть и замирать, а у варваровъ зарождается и пышно разцвѣтаетъ. Точно также идеализмъ переходитъ въ матеріализмъ, а матеріализмъ въ идеализмъ. Равнымъ образомъ религіозный духъ ипогда охлаждается, религія превращается почти только въ формальное исполненіе обрядовъ, распространяется равнодушіе къ Богопознанію и Богопочитанію, наконецъ проявляется и положительное невѣріе, и затѣмъ постепенно усиливается и распространяется. Но самая сила его, дерзость и разрушительность вызываютъ отвращеніе, негодованіе и протестъ; противодѣйствіе ему

растетъ больше и больше; оно заразъ теряетъ сочувствіе и поддержку со стороны, силы и духъ въ себѣ самомъ; господство его кончается и переходитъ къ людямъ вѣры. Правда невѣріе долго еще остается, но уже не только не владычествуетъ, а даже и не живетъ, только прозябаетъ и издыхаетъ; люди вѣры перестаютъ даже бороться противъ него, и остающіеся немногіе сторонники его или переходятъ къ вѣрѣ, или доживаютъ свой вѣкъ въ тоскливомъ одиночествѣ и бездѣйстви, забытые и никому не нужные. И помѣрѣ того, какъ падаютъ духъ, силы и смѣлость безбожія, все болѣе и болѣе возрастаютъ бодрость, мужество и силы сторонниковъ вѣры, вліяніе ея усиливается и расширяется, и сама она, воспламеняемая борьбой противъ безбожія, перестаетъ быть, какъ прежде, бездушной и холодной, становится живой, дѣйственной, могущественной. Такимъ образомъ въ самой силѣ безбожія заключается ростокъ его упадка. И чѣмъ большею крайностію отличается какая-либо форма жизни, или направленіе мысли, тѣмъ менѣе можно рассчитывать на ихъ долговѣчность, тѣмъ скорѣе они вызываютъ противодѣйствіе себѣ, тѣмъ легче переходятъ въ противоположную крайность; а безбожіе именно есть крайность изъ крайностей. Какъ въ извилистой рѣкѣ теченіе, ударившись въ берегъ, отталкивается отъ него и ниже ударяется въ берегъ противоположный, такъ тоже бываетъ и съ вѣковыми теченіями философской мысли и исторической жизни: и здѣсь одна крайность приготовляетъ путь своей противоположности.

Одна изъ частныхъ причинъ, почему безбожіе не можетъ ни существовать довольно долго въ значительныхъ размѣрахъ, ни распространяться слишкомъ широко, заключается въ аномальности и въ разрушительномъ характерѣ безбожія. Чѣмъ больше какая-либо форма жизни, или проявленіе духа времени отступаютъ отъ нормы и здороваго строя жизни, тѣмъ труднѣе имъ удержаться на долгое время и достигнуть преобладанія, а таково именно и есть безбожіе. Безбожіе — не нормальное, а болѣзненное отравленіе духовнаго организма человѣчества; оно — болѣзнь, уродство духа. Философъ Платонъ, этотъ глубокій знатокъ человѣческой души, прямо называетъ безбожіе болѣзнію ¹⁾.

¹⁾ Разговоры Платона о законахъ. Разговоръ десятый.

Безбожіе можно назвать противорелигіознымъ умопомѣшательствомъ, потому что это болѣзнь не тѣла, а духа. Какъ болѣзнь, оно встрѣчаетъ естественное противодействие своему развитію и расширенію въ здоровыхъ сокахъ, въ неповрежденныхъ членахъ организма. По мѣрѣ развитія болѣзни усиливается и противодействие ей. Пока начавшійся въ человѣкѣ недугъ не значителенъ, человѣкъ очень часто не обращаетъ на него должнаго вниманія, продолжаетъ вести прежній нездоровый образъ жизни и не прибѣгаетъ къ лѣчебнымъ средствамъ, въ надеждѣ, что болѣзнь пройдетъ сама собой. Но когда болѣзнь длится и усиливается, тогда даже и безпечный человѣкъ становится остороженъ, по мѣрѣ силъ удерживается отъ привычекъ и образа жизни, располагающихъ къ недугу, принимаетъ лѣкарства и т. п. Если организмъ еще не старческий, если важные органы не подверглись сильной порчѣ, и человѣкъ способенъ еще жить, то предохранительныя мѣры, лѣчебныя средства и нормальный образъ жизни обыкновенно достигаютъ цѣли: дальнѣйшее развитіе болѣзни приостанавливается, и она или совсѣмъ излѣчивается, или перестаетъ быть опасной, и дальнѣйшее существованіе человѣка обезпечивается. Точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ и великій организмъ человѣческаго рода. Какъ и человѣкъ, по естественному чувству самосохраненія, онъ принимаетъ мѣры противъ всего, что можетъ угрожать его здоровью и безопасности, что вредитъ его физическому и духовному благосостоянію. Само собой понятно, что чѣмъ важнѣе угрожающая опасность, тѣмъ сильнѣйшее противодействие онъ оказываетъ ей. Противодействие безбожію проявляется тѣмъ быстрѣе и энергичнѣе, что безбожіе — болѣзнь острая и опасная, обнаруживающаяся скоро и рѣзко. Какъ отъ сильнаго яда, разрушительныя дѣйствія безбожія проявляются быстро, рѣзко, въ страшныхъ формахъ, такъ что не остается никакого сомнѣнія въ смертельной опасности отъ этой болѣзни.

Но не можетъ-ли произойти столь сильнаго пристуна безбожія, что имъ будетъ поражена значительная часть человѣчества, и притомъ въ такой сильной степени, что оставшіеся здоровые соки окажутся безсильными произвести спасительную реакцію, и вся часть омертвѣетъ? Не отрицаемъ,

что это можетъ случиться. Но въ такомъ случаѣ другіе, свѣжіе народы придутъ и уничтожатъ эту обезсилѣвшую и испорченную заразой часть человѣчества, и такимъ способомъ прекратится передача отъ нея заразы другимъ частямъ человѣчества. Если бы, напр., среди теперешнихъ образованныхъ народовъ безбожіе распространилось въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что сдѣлалось бы какъ бы нормой жизни, то это повлекло бы за собой такой умственный упадокъ, такое глубокое развращеніе нравовъ, и неразлучное съ послѣднимъ физическое вырожденіе, что, конечно, они не выдержали бы натиска народовъ, хотя и менѣе образованныхъ, но физически здоровыхъ и сильныхъ и нравственно добрыхъ и цѣльныхъ, и неминуемо погибли бы подъ ихъ ударами. Да если бы и не пришли завоеватели, народъ, зараженный безбожіемъ, ослабѣваетъ физически и духовно, разлагается и вырождается отъ пороковъ, и окончательно погибаетъ или отъ внутреннихъ раздоровъ и междоусобицы, или отъ истощенія силъ. Будучи силой, исключительно и до крайности отрицательной, безбожіе разрушаетъ, или портитъ все положительное: истину, добро, вѣру, религію, нравственность, духовныя способности человека, философію, науку, искусство, экономическое и физическое благоденствіе людей и народовъ. Но ослабляя и разрушая все положительное и лучшее въ жизни, оно подтачиваетъ весь жизненный строй зараженныхъ имъ народовъ, ведетъ эти послѣдніе къ упадку, а тѣмъ самымъ неизбежно подкапываетъ само себя и погребается во прахъ имъ самимъ нагроможденныхъ развалинъ. Подобно всякой иной разрушительной силѣ, безбожіе или прекращается отъ противодѣйствія другой силы, или угасаетъ отъ недостатка наличности той среды, которая допускаетъ внутри себя его разрушительное дѣйствіе.

Отрицательный характеръ безбожія составляетъ другую частную причину его безсилія и недолговѣчности его господства. Въ безбожіи нѣтъ никакихъ положительныхъ философскихъ и научныхъ основъ, никакихъ прочныхъ и здоровыхъ жизненныхъ началъ. Основы безбожія—чисто отрицательныя. Въ интеллектуальномъ отношеніи оно самозаблужденіе и есть корень другихъ заблужденій, а у нравственной жизни оно отнимаетъ самую прочную основу ея—

вѣру въ Бога. Вытекая изъ ненормальныхъ отправления мысли и жизни, безбожіе есть болѣзненное отрицаніе съ начала до конца.

Философская, научная и жизненная беспочвенность и аномально-отрицательный характеръ безбожія всего яснѣе обнаруживаются въ томъ поразительномъ фактѣ, что ни древніе, ни новые безбожники не сумѣли создать системы безбожія, не смотря на то что пѣкоторые изъ нихъ были люди ученые и даже философы. Не только создать системы безбожія, — они не могли привести даже ни одного положительнаго факта, въ которомъ бы заключалось прямое доказательство небытія Бога. Всѣ приводимыя ими доказательства своего лжеученія — косвенныя, направленные или противъ христіанства, или противъ ученія о промыслѣ Божіемъ, или противъ ученія о цѣлесообразномъ устройствѣ міра. Но если бы даже имъ и удалось доказать, что промысла и цѣлесообразности въ мірѣ нѣтъ и что христіанство — религія ложная, въ этомъ еще не заключалось бы никакого доказательства небытія Божія. Язычники вѣрують въ Бога живо, но лживость ихъ вѣры свидѣтельствуетъ только о высотѣ и малодоступности для ограниченнаго и испорченнаго человѣка предмета вѣры, о трудности приобрести точныя понятія объ этомъ предметѣ, а вовсе не о томъ, что его нѣтъ; даже болѣе: общераспространенность ложныхъ религій предполагаетъ возможность истинной религіи и косвенно подтверждаетъ бытіе Бога. При отсутствіи положительныхъ доказательствъ небытія Бога, защитникамъ истины бытія Его приходится или отражать нападки безбожниковъ на религію, христіанство и частныя христіанскіе догматы, или приводить доводы въ пользу истины бытія Божія, или, наконецъ, опровергать возраженія безбожниковъ противъ этихъ доводовъ. Каковы бы ни были доказательства бытія Божія, все таки они есть, а доказательствъ небытія Божія нѣтъ. Какъ-бы низко ни цѣнилъ кто философское и научное достоинство и практическую пригодность доказательствъ бытія Божія, уже самый фактъ ихъ многовѣковаго существованія говоритъ объ ихъ силѣ и не прекратившемся и доселѣ значеніи. Нѣтъ спора, трудно доказать бытіе Божіе, но доказать небытіе Бога совсѣмъ нельзя. Чтобы получить право отвергать бытіе Божіе съ твердою

увѣренностію, нужно знать все, а это для человѣка и для цѣлаго человѣчества не возможно. Въ этомъ принуждены зознаться даже нѣкоторые изъ самихъ невѣрующихъ: въ древности Протагоръ и скептики, а въ наши дни позитивисты и пантеисты. Безбожники не только не могли дать философскаго и научнаго обоснованія своему лжеученію, но по самому существу предмета на всегда должны отказаться отъ надежды построить ученую систему безбожія. Создать философскую или научную теорію безбожія, которое въ самомъ корнѣ своемъ есть отрицаніе и ложь, такъ же не возможно, какъ формулировать или систематизировать болтовню глупца, бредъ горячечнаго больнаго, или разглагольстія умалишеннаго. Правда, матеріализмъ есть система, но, не говоря уже о томъ, что онъ есть самая поверхностная и односторонняя изъ всѣхъ философскихъ системъ, онъ не тождественъ съ безбожіемъ и можетъ дать послѣднему только косвенную опору. Даже и при наилучшемъ успѣхѣ матеріалистъ можетъ доказать только то, что въ человѣкѣ и во всей, подлежащей непосредственному наблюденію, части міра нѣтъ духа, какъ особой отъ матеріи сущности. Но этотъ выводъ не давалъ бы основанія отрицать бытіе духовнаго начала и духовныхъ существъ въ недоступныхъ человѣку и неизслѣдованныхъ имъ частяхъ вселенной и еще меньше позволялъ бы отрицать бытіе Божіе. Скажемъ болѣе: если въ человѣкѣ нѣтъ души въ смыслѣ отличнаго отъ матеріи начала, то въ немъ нѣтъ и органа для познанія духовнаго бытія и въ такомъ случаѣ онъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности и никакого права судить о томъ, есть сверхчувственное бытіе, и въ частности Богъ, или ихъ нѣтъ. Строго логическій выводъ изъ матеріализма по отношенію къ вопросу о бытіи Божіемъ есть скептицизмъ, а не атеизмъ.

Какъ ученіе отрицательное, ложное, неспособное къ обоснованію и систематизаціи и вытекающее изъ болѣзненныхъ отправленій жизни, безбожіе, естественно, не имѣетъ устойчивости и прочности, и потому сила его и господство не могутъ существовать долго. Отправленіе жизни отрицательное и безпочвенное, какъ бы оно ни было привлекательно въ какомъ-либо отношеніи, какъ бы оно ни отвѣчало строю жизни, духу времени и вкусу людей, по исте-

ченіи нѣкотораго времени не удовлетворяетъ уже ни ума, ни сердца человѣка, вызываетъ чувства пустоты и разочарованія и вмѣсто прежняго сочувствія къ себѣ пробуждаетъ недовольство, отвращеніе и противодѣйствіе. Человѣкъ отталкиваетъ все то, что питало его надежды, какъ скоро онъ усматриваетъ ихъ несбыточность, а отрицаніе истины можетъ-ли привести къ осуществленію положительныхъ чаяній? Вотъ почему, между прочимъ, очень немногіе безбожники, достигшіе старости, до конца остаются въ своемъ мрачномъ и пагубномъ заблужденіи. По мнѣнію философа Платона, „еще ни одинъ, отъ юности возросшій во мнѣніи, что нѣтъ боговъ, не остался постоянно до старости въ семъ заблужденіи“ ¹⁾. Безъ сомнѣнія, крайне разнообразны и многочисленны причины, возвращающія безбожниковъ въ дни старости къ вѣрѣ въ Бога. Съ упадкомъ физическихъ и духовныхъ силъ надменность ума и нравственная распущенность ослабѣваютъ, т. е., изсякаютъ два главные источника безбожія; кромѣ того, ужасъ при мысли о приближающейся смерти, таинственная неизвѣстность того, что ждетъ человѣка за гробомъ, предчувствіе возмездія, болѣзни тѣла, тоска и страданія духа оказываютъ подавляющее дѣйствіе на умъ и сердце и очень часто производятъ рѣшительный и рѣзкій переворотъ въ убѣжденіяхъ человѣка, такъ что иногда самые закоснѣлые безбожники въ старости, или предъ самою смертію приходятъ къ сознанію своего заблужденія и приобрѣтаютъ вѣру въ Бога ²⁾; а иногда важныя и знаменательныя, въ особенности несчастныя, событія въ жизни, или же особенное благодатное воздѣйствіе еще задолго до смерти превращаютъ безбожниковъ въ ревнителей вѣры въ Бога. Но всѣ эти причины оказываются тѣмъ болѣе дѣйственными, что безбожіе, при своемъ отрицательномъ характерѣ, не даетъ человѣку твердой почвы и опоры. Какую поддержку, какое утѣшеніе, какую надежду невѣрующій въ Бога можетъ обрѣсти въ дряхлой старости, въ тяжелой болѣзни, въ песча-

¹⁾ Разговоры о законахъ. Разговоръ 10-й.

²⁾ Въ свое время въ русскихъ газетахъ извѣщали, что французскій ученый позитивистъ и безбожникъ Литтре предъ смертію обратился къ Богу и что онъ былъ достоинъ такого конца за свою строгую и добродѣтельную жизнь; но мы не имѣли возможности провѣрить этотъ слухъ.

стіи, при упадкѣ или тоскѣ духа, предъ смертію, при житейскихъ неудачахъ? Ихъ даетъ человѣку вѣра, а не невѣріе, положеніе, а не отрицаніе, истина, а не заблужденіе. Отъ того-то безбожники такъ часто прибѣгаютъ къ рассчету съ жизнію, кончаютъ жизнь самоубійствомъ даже при маловажныхъ неудачахъ. При безцѣльности ихъ жизни самоубійство является имъ лучшимъ выходомъ, если уязвлено ихъ самолюбіе, или замарапа честь, или оказываются недостижимыми честолюбивые замыслы и корыстолюбивые планы, или пустота и тоска гложутъ сердце, или неизлѣчимая болѣзнь, нищета и несчастія дѣлаютъ жизнь безотрадной, невыносимой. Певѣрующій профессоръ Военно-Медицинской Академіи Коломнинъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ изъ за того только, что отъ его неудачной, или необдуманной операциі умеръ человѣкъ. Какъ будто этотъ модникъ, лишивши себя жизни, тѣмъ искупилъ смерть своего паціента, или вознаградилъ несчастіе родныхъ послѣдняго! Какъ будто онъ не могъ найти другаго полезнаго занятія, если онъ разубѣдился въ своей правоспособности быть врачомъ! Пустота и безцѣльность жизни — вотъ что чаще всего понуждаетъ безбожниковъ кончать жизнь самоубійствомъ, иногда во цвѣтѣ лѣтъ и силъ и безъ достаточной виѣшней причины. — Такъ, путемъ-ли самоубійства, или чрезъ обращеніе къ религіи число безбожниковъ сокращается даже и въ безбожныя эпохи, — сокращается по причинѣ пустоты и разочарованности, вносимыхъ въ сердце безсодержательностію и отрицательностію безбожія.

Отрицательный характеръ, пустота и бессодержательность безбожія, не говоря уже объ его уродливости, охлаждающія склонность къ нему въ отдѣльныхъ людяхъ, еще менѣе могутъ удовлетворять цѣлыя націи, массы людей. Дѣйствительно, безбожіе овладѣвало духомъ времени и становилось повальной болѣзнію очень рѣдко, только въ критическія, болѣзненные эпохи. Для порожденія безбожной эпохи нужно сочетаніе многихъ неблагопріятныхъ для здороваго развитія условій. Такихъ эпохъ, когда теоретическое и практическое безбожіе пропикало и отравляло своимъ ядомъ духъ времени и распространялось повально, и всего-то было три. Неспособность безбожія удовлетворять насущныя потребности здороваго общества, полное несоотвѣтствіе его

последнимъ обнаруживаются и въ кратковременности этихъ эпохъ.

Возьмемъ въ примѣръ вторую изъ этихъ эпохъ — эпоху французскаго вольномыслія второй половины прошлаго вѣка, какъ вполнѣ закончившуюся и наиболѣе намъ извѣстную. Вольтерьянцы, дожившіе до глубокой старости, изрѣдка встрѣчались еще и въ половинѣ текущаго столѣтія, даже въ шестидесятихъ годахъ, т. е., столѣтіе спустя послѣ начала эпохи безбожія французскихъ энциклопедистовъ; но это были жалкіе мертвые остатки духа давно прошедшаго времени. Эпоха господства и распространенія безбожія энциклопедистовъ и Вольтера, если не считать подготовительной къ ней стадіи и оставшихся по окончаніи ея слѣдовъ, продолжалась не больше, даже меньше, полустолѣтія. Реакція противъ безбожія началась еще въ самый разгаръ этой эпохи, вызванная страшными кровопролитіями французской революціи и особенно взаимной рѣзней самихъ республиканцевъ. Въ Россіи царствованіе Павла I было уже реакціоннымъ по отношенію къ французскому вольномыслію, а во время Наполеоновскихъ войнъ реакція была уже во всей силѣ, распространилась по всей Европѣ. Нѣкоторыя событія въ двадцатыхъ годахъ были только слабымъ возвратомъ духа первой революціи, и при томъ они были отпрысками политической и социальной сторонъ ея, а не ея противорелигіознаго духа.

По мѣрѣ того, какъ усиливается и распространяется реакція противъ безбожія, дерзость, дѣятельность, духъ и вліятельность безбожниковъ ослабѣваютъ, а мужество, энергія и успѣхъ проповѣди ихъ противниковъ усиливаются. вмѣстѣ съ тѣмъ число вновь обращающихся къ безбожію уменьшается; а съ другой стороны, тѣ, которые сдѣлались безбожниками не по глубокому убѣжденію, не въ силу размышленія и нравственной борьбы, а или по юношескому увлеченію, или изъ легкомысленнаго подражанія, или подъ вліяніемъ духа времени, или по невѣжеству, или подъ давленіемъ сильнаго характера другаго челоуѣка и т. п., легко оставляютъ заблужденіе и становятся христіанами. А такихъ невѣрующихъ безъ твердаго убѣжденія, безбожниковъ — индифферентистовъ въ эпохи невѣрія бываетъ огромное большинство изъ числа всѣхъ невѣрующихъ. Эти-то малоубѣжденные безбожники въ дни реакціи первые свора-

чиваютъ съ пути невѣрія, и вотъ почему ряды безбожниковъ замѣтно рѣдѣютъ еще раньше, чѣмъ реакція достигаетъ своей вершины.

Наконецъ, главная причина безсилія безбожія и неспособности его къ продолжительному господству, главная причина того, что вліяніе его скоро сокращается и господство его оканчивается, лежитъ въ рѣзкой противоположности его существенной, коренной и неизсякающей потребности человѣка, — потребности имѣть религію. Эта потребность воспитаніемъ, обычаемъ, преданіемъ и жизнію развивается и такъ или иначе направляется, а не дается; она зарождается съ самой природой человѣка, составляетъ существенную и неотъемлемую часть ся. Какъ религіозное воспитаніе не можетъ дать человѣку самого религіознаго инстинкта, а только раскрываетъ его, усиливаетъ и усовершенствуетъ: такъ и безбожное воспитаніе не можетъ окончательно и безусловно вытравить религіозную потребность. Исторія не представляетъ ни одного примѣра такихъ семействъ, въ которыхъ безбожіе переходило бы изъ рода въ родъ и непрерывно существовало въ теченіи сотенъ или даже хотя многихъ десятковъ лѣтъ. Весьма многія профессіи переходятъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, къ внукамъ и такъ далѣе, чрезъ цѣлыя ряды поколѣній; но не слышать, чтобы безбожіе сдѣлалось постоянной „профессіей“ какого нибудь одного рода. Иначе и быть не можетъ: профессіи священнослужителя, врача, торговца, земледѣльца, ремесленника, ученаго, чиновника и т. п. удовлетворяютъ тѣ или нныя потребности людей, никогда не прекращающіяся при обыкновенномъ строѣ жизни; но какую положительную и здоровую потребность удовлетворяетъ безбожіе? Оно отвѣчаетъ только извращенному вкусу, ищущему истины, но принимающему ложь за истину и истину за ложь. И такъ какъ извращенный вкусъ не есть норма духовной жизни человѣка, то рано или поздно обнаруживается несоотвѣтствіе его требованій съ истинною жизнію, и человѣкъ видитъ, что то, что онъ признавалъ истиной, есть грубѣйшее заблужденіе. Извращеніе вкуса, глубокое до такой степени, что безбожіе признается истинной, а вѣра въ Бога — заблужденіемъ, въ эпоху безбожія не замѣчается самимъ человекомъ, потому что онъ увлеченъ вліяніемъ этой эпохи; но духъ времени мѣняется, увлеченіе проходитъ, и ненормаль-

ное направленіе мысли обнажается. Портной, сапожникъ и всякій другой мастеровой вполнѣ основательно можетъ разсчитывать, что не только его сыновья и внуки, но и правнуки и праправнуки будутъ продолжать его занятіе; потому что пройдетъ сто и тысяча лѣтъ, а потребность у людей въ одеждѣ и обуви не прократится, и потому всегда будутъ нужны портные и сапожники. Равнымъ образомъ и священникъ можетъ надѣяться, что его праправнуки будутъ тоже священниками; потому что онъ увѣренъ, что и чрезъ много вѣковъ люди будутъ имѣть религію и священниковъ для совершенія Богослуженія. Совсѣмъ не таково положеніе безбожника. Конечно, онъ можетъ воспитать своихъ дѣтей въ безбожіи и даже внушить имъ фанатическую ненависть къ религіи; но онъ не можетъ быть увѣренъ, останутся-ли они въ безбожіи до конца своей жизни, и еще менѣе можетъ мечтать о томъ, что и ихъ дѣти тоже будутъ безбожниками. А если онъ и будетъ питать слѣпую увѣренность на укорененіе безбожія въ своемъ родѣ, потому что людямъ свойственно надѣяться на осуществленіе желаемого, то, если онъ доживетъ до глубокой старости, опытомъ убѣдится въ несбыточности своихъ надеждъ на постоянство безбожія. Опытъ свидѣтельствуешь, что безбожники не могутъ поручиться даже за постоянство своего собственнаго невѣрія. Это и понятно: въ самомъ закоренѣломъ и фанатичномъ безбожникѣ потребность религіи бываетъ только заглушена, а не вытравлена окончательно, и во всякое время жизни, совершенно неожиданно, можетъ пробудиться и заговорить ничѣмъ не заглушаемымъ голосомъ, что и бываетъ въ дѣйствительности.

Впрочемъ еще раньше и помимо обращенія безбожниковъ къ вѣрѣ врожденный религіозный инстинктъ и жажда религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожество и несостоятельность безбожія обнаруживаются въ странной склонности безбожниковъ чѣмъ нибудь замѣнить отвергнутую религію. Утративши настоящую религію, безбожники не могутъ искорепить въ себѣ потребность имѣть религію и выдумываютъ жалкіе призраки ея. Такъ, безбожные французскіе революціонеры конца прошлаго вѣка, отвергнувши Бога, сдѣлали предметомъ поклоненія *богиню разума*. Не показываетъ-ли это, что человѣкъ безъ религіи жить не можетъ,

что, отвратившись отъ истиннаго Бога, онъ вынуждается создавать подобія Его, измышлять боговъ ложныхъ, которыми и покланяется вмѣсто Бога истиннаго, что, отказавшись отъ истинной религіи, онъ изобрѣтаетъ призрачную?

Не одни, оныявѣвшіе и обезумѣвшіе отъ кровопролитія, французскіе демагоги сдѣлали это: то же самое дѣлаютъ болѣе разсудительные и ученые безбожники нашего времени. Обозвавши христіанство религіей устарѣлой, «отживающей свой вѣкъ и непригодной для той высокой ступени развитія, до которой достигли современные образованные народы, и для еще болѣе высокихъ ступеней совершенства, на которыя человѣчество взойдетъ въ будущемъ, они выдумали новую религію, которая, по ихъ соображеніямъ, въ будущемъ заступитъ мѣсто христіанства. Одни назвали эту новую религію *религіей будущаго*, горделиво предрекая этимъ названіемъ ея широкое распространеніе въ будущемъ; другіе наименовали ее религіей *театропической*, или же *религіей гуманизма*, такъ какъ она состоитъ въ обоготвореніи человѣка, человѣчности, человѣчества. Такъ, Огюсть Контъ, признавая человѣчество предметомъ религіознаго поклоненія и почитанія, называетъ его *великимъ существомъ*, *le grand être*; Ренанъ провозглашаетъ культъ великихъ людей, геніевъ, для приготовленія и дѣятельности которыхъ должно служить и всѣмъ жертвовать все человѣчество; потребность религіознаго почитанія человѣка выражается и въ ученіи англійскихъ нонтеистовъ, а также у нѣмецкихъ пессимистовъ. А другіе атеисты желаютъ воздавать религіозное почитаніе природѣ, всему міру. Такъ, Д. Штраусъ требуетъ, чтобы люди относились къ вселенной съ такимъ-же набожнымъ почтеніемъ, съ какимъ благочестивый человѣкъ стараго пошиба относился къ своему Богу.

Несостоятельность религіи гуманизма обнаруживается уже въ неопредѣленности предмета ея. Гуманисты сами не ясно представляютъ и не столковались въ томъ, что именно въ человѣкѣ должно служить предметомъ религіознаго почитанія: личность-ли человѣка, или личныя умственные совершенства и нравственные добродѣтели, или идеалы личныхъ совершенствъ, или воплощеніе этихъ идеаловъ въ геніяхъ, или отображеніе идеаловъ въ твореніяхъ геніевъ, или не

индивидуальный человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ превосходить, а цѣлое человѣчество, какъ родъ, или, наконецъ, возвышенные идеалы, къ которымъ стремится человѣчество. Если предметомъ религіознаго поклоненія признать реального человѣка, или реальное человѣчество, то это будетъ религія низменная, совмѣщающая обоготвореніе добродѣтелей съ обоготвореніемъ пороковъ, какъ это и есть въ язычествѣ и особенно ярко обнаруживалось въ греческой антропоморфической религіи и мифологіи. Если же гуманисты желаютъ обожать идеального человѣка, или идеальное человѣчество, то и это не больше, какъ утонченное язычество. Если, наконецъ, по ихъ мнѣнію, предметомъ поклоненія должны быть отвлеченные недостижимые идеалы человѣческихъ совершенствъ, то это будутъ ни что иное, какъ безусловныя совершенства, которыя принадлежать въ дѣйствительности Богу и къ посильному осуществленію которыхъ въ своей жизни люди должны стремиться. Такимъ образомъ въ своей религіи гуманизма безбожники или становятся язычниками, или бессознательно возвращаются къ поклоненію тѣмъ совершенствамъ, которыя существуютъ только въ отвергнутомъ ими истинномъ Богѣ. Въ обоихъ случаяхъ безбожники измышляютъ призрачную религію вопреки своему началу отрицанія религіи и Бога. Равнымъ образомъ и матеріалисты, приписывая матеріи и силѣ свойства бытія безусловнаго, напр., вѣчность, неумираемость и т. п., и относясь „съ пабожнымъ почтеніемъ къ вселенной“, въ сущности обоготворяютъ міръ и основы его бытія, впадаютъ въ язычество.

Безбожники всетаки люди и, подобно всеѣмъ людямъ, не могутъ жить и удовлетворяться одною ложью, чистымъ отрицаніемъ: отрицая истинную религію, они принуждены гоняться за призраками ея, подобно тому, какъ въ знойной пустынѣ изнывающіе отъ жажды путники, не встрѣчая дѣйствительныхъ источниковъ воды, устремляются къ миражамъ, но вмѣсто изобильныхъ водою озеръ съ ужасомъ и отчаяніемъ находятъ все тѣ же безотрадные горючіе пески. Такъ какъ религія по самому существу своему есть взаимоотношеніе между человѣкомъ и Богомъ, то поэтому всякая атеистическая религія заключаетъ въ себѣ самопротиворѣчіе, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть истинной

религія тѣхъ, которые отрицають первоисточникъ и главный предметъ религіи—Бога. Но именно это самопротиворѣчіе, допускаемое, притомъ, людьми учеными, мыслящими, служить неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ глубока и неискоренима въ человѣческой природѣ потребность религіи, какъ безразсудно отрицаніе истины бытія Божія и какъ не состоятельно безбожіе,—не состоятельно до такой степени, что оно, начинаясь отрицаніемъ истинной религіи, кончается признаніемъ ложной. Въ этомъ самопротиворѣчии отрицающіе истину бытія Божія являются невольными свидѣтелями ея, враги религіи—изобрѣтателями религіи, безбожники—отрицателями безбожія. Напрасно одинъ изъ нѣмецкихъ безбожниковъ Арнольдъ Руге говоритъ: атеизмъ—всетаки религіозная система: атеистъ не свободнѣе еврея, который ѣстъ свинину; нужно не бороться противъ религіи, а забыть о ней. Именно это, столь желаемое фанатичными безбожниками, забвеніе Бога для человѣка столь же не возможно, какъ забвеніе человѣкомъ самого себя.

Та же неискоренимая потребность религіи и то же безсиліе безбожія удовлетворить истинныя потребности ума и сердца проявляются не въ однихъ только представителяхъ безбожія и вообще не въ отдѣльныхъ лицахъ, а во всемъ обществѣ,—разумѣемъ то въ высшей степени замѣчательное явленіе, что въ эпохи широкаго распространенія невѣрія потребность религіи обнаруживается съ особенной силой въ извращенныхъ формахъ ея—въ мистицизмѣ, въ суевѣрїи, въ спиритизмѣ. Всѣ виды извращенія религіознаго чувства широко распространяются въ обществѣ, охладѣвшимъ къ истинной религіи и огрубѣвшимъ на столько, что оно не удовлетворяется естественными чувствами, здравыми понятіями, простыми истинами; при своемъ извращенномъ вкусѣ оно жаждетъ таинственнаго и чудснаго, а при беспочвенности своихъ ученій, не внушающихъ, притомъ, никакихъ надеждъ въ будущемъ, оно суевѣрно трепещетъ въ ожиданіи того, что будетъ. Это влеченіе къ мнимо-чудесному и страхъ предъ таинственнымъ будущимъ, наполняя сердца эпикурейцевъ и равнодушныхъ къ религіи, смущаютъ и пугаютъ воображеніе и самихъ невѣрующихъ. И вотъ скептики и безбожники становятся суевѣрны, какъ сельскія бабы; изъ любопытства и съ напускною скептической снисходитель-

ностію являются они на спиритическіе сеансы, а потомъ начинаютъ вѣрить въ медіумовъ, въ непонятныя явленія невидимаго міра, въ какихъ-то духовъ, съ которыми можно вступать въ сношенія, дѣлаются спиритами. Для иныхъ изъ таковыхъ пути суевѣрія, мистицизма и самаго нелѣпаго сектантства становятся дорогами, которыми они незамѣтно, послѣ долгихъ блужданій, возвращаются къ истинной вѣрѣ. Кто потерялъ страхъ предъ Богомъ, тотъ, подобно Каину, начинаетъ бояться всего, а кто боится всего, тотъ этимъ истинно паническимъ страхомъ можетъ быть опять приведенъ къ страху Божію, хотя въ иныхъ случаяхъ тотъ же страхъ приводитъ къ унынію и отчаянію, къ самоубійству, или сумасшествію.—Такъ было въ Римѣ въ вѣкъ имперіи, когда въ тогдашнемъ образованномъ и высшемъ обществѣ было много людей, не вѣрившихъ въ боговъ народной религіи, не имѣвшихъ никакой религіи и бывшихъ въ то же время самыми малодушными суевѣрами. Изъ такихъ людей было не мало жертвъ распространенной въ то время склонности къ самоубійствамъ; но, безъ сомнѣнія, были изъ нихъ и такіе, которые обрѣтали истинную вѣру въ Бога въ новой религіи—въ христіанствѣ. Для скептика—Пилата вопросъ: *что есть истина* (Іоан. 18, 38), такъ и остался вопросомъ, и Пилатъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Но скептикъ Іустинъ Философъ, утратившій вѣру въ народныхъ боговъ, искавшій и не нашедшій истины ни въ одной изъ тогдашнихъ философскихъ школъ, наконецъ обрѣлъ и истину и религію въ христіанствѣ. Точно также въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка вмѣстѣ съ распространеніемъ безбожія зародились и усилились мистическія секты, и въ неотвратимую силу рока люди вѣрили больше, чѣмъ когда бы то ни было. Наконецъ, въ параллель съ распространеніемъ матеріализма и невѣрія недавняго времени возникъ спиритизмъ и столь сильно распространился, что одно время спиритовъ насчитывали до двадцати милліоновъ, и всего больше ихъ было среди практическихъ, погруженныхъ въ матеріальные интересы, Американцевъ.

Сама природа челоѣка и жизнь народовъ заявляютъ протестъ противъ отрицанія истины бытія Божія и религіи,—протестъ тѣмъ болѣе сильный и неотразимый, что его без-

сознательно провозглашаютъ сами же невѣрующіе, или мало-вѣрующіе, измышляя вмѣсто отвергнутой истинной религіи призраки ея или извращенныя формы.

Измѣнчивость формъ жизни и направленій мысли, сила реакціи, происхожденіе безбожія изъ направленій философской и ученой мысли одностороннихъ и изъ строя жизни ненормальнаго, распространеніе его въ эпохи критическія и болѣзненныя, аномальность, отрицательный характеръ, пустота и безпочвенность безбожія, не имѣющаго твердой опоры ни въ теоретическихъ ни въ практическихъ основахъ здоровой мысли и жизни, отсутствіе философской системы безбожія или хотя бы сколько нибудь научной гипотезы его и даже совершенная невозможность дать твердое, положительное и прямое обоснованіе его, въ особенности-же врожденность человѣку религіознаго инстинкта и неистребимая потребность имѣть религію, обнаруживающіяся даже у самихъ безбожниковъ и скептиковъ въ странной склонности ихъ имѣть своего рода религію,—вотъ главнѣйшія причины, почему безбожныя эпохи—рѣдкое исключеніе во всемірной исторіи и никогда не были продолжительны. Кромѣ того отсутствіе среди безбожниковъ великихъ, истинно гениальныхъ людей и незначительность количества безбожниковъ и скептиковъ сравнительно съ числомъ вѣрующихъ даже въ безбожныя эпохи препятствуютъ безбожію занять постоянное мѣсто въ философіи, въ наукѣ и жизни. Безбожники, какъ отдѣльныя лица и въ маломъ числѣ, вѣроятно, найдутся во всякое время, подобно тому, какъ всегда есть умалишенныя; но безбожіе слишкомъ аномально, безсодержательно и безсильно, чтобы могло существовать постоянно, какъ направленіе. Смотри по времени и другимъ обстоятельствамъ характеръ, вліятельность и результаты каждой изъ причинъ, противодѣйствующихъ безбожію, видоизмѣнялись, но онѣ всегда ограничивали силу и распространеніе безбожія въ пространствѣ и времени, а въ болѣе благопріятныя времена и совсѣмъ прекращали его.

Онѣ же ограничили распространеніе и безбожія XIX вѣка во время наибольшей его силы, склонили его къ упадку и продолжаютъ вести къ окончательному паденію.

Возникновеніе переживаемой нами реакціи противъ невѣрія, перемѣну въ духѣ времени нѣкоторые наблюдатели

современной жизни приписали главнѣйше вліянію двухъ *событій*: страшной, разрушительной и кровопролитной междоусобицѣ, произведенной коммунарами въ Парижѣ въ 1871 г., и смерти императора Александра II, павшаго отъ руки анархистовъ. Но, по нашему мнѣнію, эти событія были только частными случаями, хотя и очень важными, проявленія анархіи и духа отрицанія и разрушенія, который обыкновенно навѣвается духомъ невѣрія. Если не въ этихъ, такъ въ другихъ событіяхъ духъ отрицанія и разрушенія, вызываемый безбожіемъ, проявился бы неизбѣжно. Въ шестидесятихъ, семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ былъ цѣлый рядъ покушеній на государей, правителей и государственныхъ людей; все это — проявленія духа отрицанія и разрушенія. Тотъ-же духъ обнаруживается и теперь въ разрушеніи динамитчиками общественныхъ и частныхъ зданій. Разрушительный духъ анархіи — это только рѣзкое и явное обнаруженіе, результатъ менѣ замѣтнаго и кажущагося менѣ опаснымъ религіознаго и философскаго скептицизма и отрицанія. Анархисты — это подонки безпочвенности, болѣзненности и отрицательно-разрушительнаго характера безбожія. Уже духъ и теоретическаго отрицанія вызываетъ реакцію, а практическое отрицаніе, выражающееся въ разрушеніи созданнаго жизнію и самой жизни, обостряетъ и усиливаетъ реакцію. Страшная опасность, угрожающая отъ анархіи просвѣщенію, всему строю жизни и именованію, слишкомъ очевидна, чтобы общество, въ которомъ она дѣйствуетъ, не оказало ей самаго сильнаго противодѣйствія изъ чувства самосохраненія. Противодѣйствіе анархіи есть въ то же время осужденіе и главнаго источника ея — безбожія.

Реакція противъ матеріализма и связаннаго съ нимъ безбожія проявилась уже и въ шестидесятихъ годахъ, въ видѣ спиритизма. Но это была реакція болѣзненная; это была, такъ сказать, изнанка того же невѣрія и матеріализма. Какъ невѣрующіе и матеріалисты вѣрятъ только тому и признаютъ бытіе только того, что можно видѣть, слышать, ощущать: такъ и спириты, хотя и вѣрятъ въ бытіе духовъ и невидимаго міра, но только потому, что вѣрятъ въ явленія духовъ въ матеріальной формѣ, въ видимыхъ, слышимыхъ и осязаемыхъ знакахъ.

Настоящая, здоровая реакція противъ невѣрія началась только въ семидесятыхъ годахъ. Тогда именно впервые вмѣсто господствовавшихъ раньше самодовольства и самовосхваленія стало обнаруживаться порицаніе того, что недавно всѣ восхваляли, тогда стали замѣчать и осуждать дурныя стороны современной цивилизаціи; прошла пора безусловнаго восхищенія ею и настало время строгой оцѣнки ея темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ. Это вѣрный признакъ начавшагося здороваго кризиса или перелома въ жизни, начало конца стараго направленія мысли, начавшейся перемѣны въ духѣ времени. Поворотъ мысли сказался въ то время еще и въ томъ, что стала вырождаться теоретическій матеріализмъ, господство его надъ философскою и ученою мыслию прекращалось, и онъ уже далеко не имѣлъ той силы и вліянія, какими пользовался въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

Впрочемъ въ семидесятыхъ годахъ были только начатки новаго движенія мысли, малозамѣтные и слабые. Работа и усилія тогдашней мысли уходили не столько на изысканіе и проложеніе новыхъ путей, сколько на оцѣнку того, чего передъ тѣмъ достигли и что сдѣлала наука и жизнь, а также на задержку тѣхъ теченій мысли и жизни, которыя были очень сильны. Хотя философскій матеріализмъ въ то время уже исписался и не привлекалъ къ себѣ ни вниманія, ни сочувствія, но за то сталъ усиливаться и скоро приобрѣлъ необыкновенную популярность сродный матеріализму эволюціонизмъ; въ это же время начался быстрый ростъ социализма, скоро давашаго отъ себя отпрыскъ анархизма, а современный социализмъ и анархизмъ — друзья безбожія, да и практическій матеріализмъ въ то время былъ еще во всей силѣ. При широтѣ и силѣ этихъ теченій мысли и жизни, увлекавшихъ въ свой водоворотъ огромное большинство образованнаго и полуобразованнаго общества, реакція противъ безбожія въ семидесятыхъ годахъ не могла быть ни смѣлой и вполне открытой, ни широкой и вліятельной. Ея дѣятельность скрывалась и позднѣйшая сила подготавливалась въ тайникахъ внутренней жизни духа образованныхъ народовъ. Переживая переломъ, люди сначала сами не замѣчаютъ его.

Смѣлой, рѣшительной, широкой и вліятельной реакція

сдѣлалась только въ восьмидесятыхъ годахъ, и до настоящаго времени она все болѣе и болѣе возрастаетъ и распространяется. Теперь даже въ такихъ центрахъ свѣтской жизни и легкихъ нравовъ, преобладанія эпикурейства и матеріальныхъ интересовъ, безрелигіознаго и противорелигіознаго духа и положительнаго безбожія, какъ Парижъ, замѣчается поворотъ на путь вѣры и болѣе строгихъ нравовъ. Среди парижскихъ студентовъ теперь большою популярностію пользуется профессоръ Лависсъ, чтенія котораго проникнуты строго нравственнымъ направленіемъ. Изъ французскихъ литераторовъ въ послѣдніе годы приобрѣлъ извѣстность Поль Бурже, произведенія котораго отличаются очень рѣдкими во французской литературѣ серьезностію и строгостію нравственныхъ требованій. Параллельно повороту въ настроеніи учащагося юношества и въ характерѣ изящной литературы, безъ сомнѣнія, совершается поворотъ и въ самомъ обществѣ, измѣняется самый духъ времени. Правда, въ 1889 г. Французы устроили всемірную выставку въ Парижѣ въ память и честь первой французской революціи, въ сотую годовщину ея. Но замѣчательно, что на самой выставкѣ ничего не было устроено, что бы напоминало о революціи, а главное — самъ французскій народъ, его писатели и ученые помпили, говорили и писали о революціи едва-ли больше, чѣмъ въ обыкновенные годы. Ни сочинній, ни листовъ въ похвалу революціи, или съ цѣлію изслѣдованія ея написано и издано не было; ни малѣйшей вспышки анархіи не воспослѣдовало; религія, церковь, духовенство, никакимъ враждебнымъ выходкамъ и оскорбленіямъ не подверглись, не смотря на то, что католическая церковь отказалась принять участіе въ выставкѣ, устроенной въ память первой революціи. У насъ многіе опасались, а покойный архіепископъ Херсонскій Пиканоръ высказалъ въ печати, что этотъ годъ не пройдетъ безъ кровопролитія; но эти опасенія, къ счастью, ни мало не оправдались. — Безъ сомнѣнія, Парижъ и идущая за нимъ Франція не составляютъ исключенія изъ общаго правила: тѣмъ же духомъ повѣяло и въ другихъ образованныхъ странахъ.

Можно замѣтить слѣдующіе общіе признаки и характерныя черты дѣйствующей въ послѣднія два десятилѣтія и особенно сильной въ послѣдніе годы реакціи.

Въ сороковыхъ, пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ духъ переживалъ пору юношескихъ порывовъ, отдавался кипучей дѣятельности, во многомъ достигъ блестящихъ успѣховъ, а съ ними дошелъ до горделиваго самовозношенія. Въ этотъ періодъ теоретическое и въ особенности прикладное, техническое естествознаніе достигло столь высокаго развитія, сдѣлало столько удивительныхъ открытій и произвело такой необычайный переворотъ почти во всѣхъ сторонахъ жизни образованныхъ народовъ, что мысли человѣческой было естественно возгордиться блестящими, безпримѣрными результатами своей дѣятельности. Но разносторонняя дѣятельность и напряженіе мысли вызвали утомленіе и недомоганіе. Съ другой стороны, съ теченіемъ времени обнаружались дурныя стороны новаго строя жизни; оказались темныя пятна въ томъ, что прежде казалось свѣтлымъ и блестящимъ; многія мечты не осуществились; изумленіе и восторгъ предъ новѣйшей цивилизаціей смѣнились порицаніями ея темныхъ сторонъ, которыхъ прежде или не было, или ихъ не хотѣли замѣчать; духъ впалъ въ уныніе, дошелъ до самоуничиженія. Самоуничиженіе и удрученность духа проявились, между прочимъ, въ слѣдующихъ фактахъ.

И въ послѣднія двадцать лѣтъ наука шла впередъ, дѣлались открытія и изобрѣтенія, а въ области электро-техники—даже изумительныя, поистинѣ чудесныя. Но ими спокойно пользуются, а не восторгаются такъ, какъ восторгались успѣхами естествознанія въ предъидущія десятилѣтія. Съ другой стороны, порицательное и строго-критическое отношеніе къ темнымъ сторонамъ современной цивилизаціи, начавшееся въ семидесятихъ годахъ, продолжается и до настоящаго времени.

Хотя современная пессимистическая философія враждебна религіи и христіанству и потому сама есть источникъ невѣрія, но, съ другой стороны, пессимистическое настроеніе невѣрующаго общества есть признакъ стремленія его перемѣнить направленіе своей жизни, есть предвѣстникъ поворота отъ невѣрія къ вѣрѣ. Вотъ этому-то духу пессимизма не чуждо наше время. Ему обязана значительнымъ распространеніемъ пессимистическая философія. Пессимистическая философія имѣла талантливаго представителя въ лицѣ Шо-

пенгауера еще во времена Гегеля. Но въ то время духъ человѣческій парилъ столь высоко, можно даже сказать, находился въ такомъ восторженномъ состояніи, что на философію Шопенгауера никто не обращалъ вниманія. Оригинальность и остроуміе его изреченій, свѣжесть мыслей, ясность, образность и сила рѣчи, пропадали даромъ; никто не хотѣлъ признать его настоящимъ философомъ. Ничтожныя посредственности занимали каведры философіи въ нѣмецкихъ университетахъ, а его не считали достойнымъ званія профессора. Равнодушіе къ его философіи философъ, ученыхъ и всего общества возбуждало въ немъ ярость и злобныя насмѣшки надъ оффиціальными учеными. Но и насмѣшки не производили дѣйствія: ихъ мало замѣчали. Онъ не могъ понять, что его философія находится въ пренебреженіи не потому, что она пуста, а потому, что она противорѣчила господствующему духу времени. Самъ Шопенгауеръ такъ и умеръ не дождавшись успѣха своей философіи. Но настали семидесятыя и восьмидесятыя годы, и философія его вдругъ всплыла наружу и очень скоро сдѣлалась самой популярной философіей. Какъ ни бѣдна русская литература философскими сочиненіями и какъ ни велико равнодушіе нашего образованнаго общества къ философіи, тѣмъ не менѣе на русскій языкъ переведены всѣ сочиненія Шопенгауера, иныя даже не однократно. Громкой извѣстности и широкаго вліянія и распространенія достигла философія и современнаго намъ нѣмецкаго философа-пессимиста Гартмана. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пессимистическая философія Шопенгауера и Гартмана стала въ послѣднее двадцатилѣтіе самой вліятельной и распространенной философіей именно потому, что она отвѣчаетъ духу времени. Это подтверждается страннымъ и въ иное время невозможнымъ фактомъ появленія и распространенія среди образованныхъ христіанъ въ Европѣ и Америкѣ буддизма и такъ называемаго нео-буддизма. Нео-буддизмъ, или, какъ мы бы назвали его, философскій, космополитическій буддизмъ, былъ измышленъ и доселѣ распространяется педавно основаннымъ Теософическимъ Обществомъ, члены котораго есть въ Остѣ-Индіи, въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Вліятельнымъ учреди-

телемъ и главой этого общества была одна русская сумасбродная женщина Е. П. Блаватская, писавшая подъ псевдонимомъ Рада-Бай и умершая въ Апрѣлѣ 1891 г. Конечно, буддистовъ и нео-буддистовъ среди христіанъ въ Европѣ и въ Америкѣ можно насчитать сотню, много двѣ сотни тысячъ. Но уже самый фактъ перехода христіанъ въ буддизмъ, совершающійся притомъ не гдѣ нибудь въ Индо-Китаѣ, а за десятки тысячъ верстъ отъ буддистскихъ странъ, въ центрахъ христіанскихъ странъ, крайне замѣчательнъ и необычаенъ и служитъ рѣзкимъ выраженіемъ пессимистическаго настроенія образованныхъ христіанскихъ народовъ.

Далѣе, съ семидесятихъ годовъ до такой степени умножились самоубійства, возрастая съ каждымъ годомъ въ числѣ, что это печальное явленіе возбуждало общее вниманіе и тревогу, и ислѣдованію причинъ и сущности этого явленія посвящено было не мало статей и цѣлыхъ сочиненій. Въ настоящее время въ одной Европѣ число самоубійствъ простирается до 50,000 въ годъ. Цифра—по истинѣ ужасающая! Съ другой стороны, съ каждымъ годомъ возрастаетъ число умалишенныхъ. Свойственная нашему времени и давшая нашему вѣку названіе „нервнаго вѣка“ нервозность, отъ которой теперь страдаютъ люди высшаго и средняго классовъ, еще болѣе усиливаетъ склонность къ самоубійствамъ и предрасположеніе къ психическимъ болѣзнямъ, а также недовольство жизнію. Не меньше того недовольство жизнію вызывается экономической неурядицей, которая съ особенной рѣзкостію выражается въ распространеніи пролетаріата. Наконецъ, не смотря на смягченіе правовъ, на распространеніе грамотности, на движеніе впередъ гражданственности, на улучшенные способы воспитанія, на исправительныя учрежденія, на расширеніе общественной благотворительности, на улучшенные суды, число преступленій едва-ли уменьшается, если только не возрастаетъ, что еще больше увеличиваетъ страданія человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ и мрачный взглядъ на жизнь.

Вотъ признаки печальнаго настроенія, упадка и угнетенія духа, самоосужденія, недовольства жизнію и даже отчаянія.

Это дурно; но это неизбѣжно должно было случиться

въ силу законовъ развитія человѣческой мысли. Хорошая же сторона этого состоянія духа въ томъ, что оно указываетъ на освобожденіе его отъ демонически-гордой мысли, будто разумъ человѣка настолько могущественъ, что можетъ достигнуть безграничнаго владычества надъ природой, не нуждается ни въ чьей помощи, не нуждается въ Самомъ Богѣ и въ религіи, имѣетъ право обоготворять себя, поклоняться всемогущему гению человѣка, или человѣчества. Спаль духъ безразсудной гордости — значить изсякъ главнѣйшій источникъ безбожія.

Другой признакъ поворота мысли въ сторону, противоположную невѣрію, можно усматривать въ охлажденіи къ опытнымъ наукамъ и къ исключительно опытнымъ методамъ изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ возрастающемъ сочувствіи и уваженіи къ умозрѣнію, къ философіи, къ наукамъ о сверхчувственномъ бытіи. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ метафизика, эстетика, нравственная философія, богословіе, были признаны отжившими свой вѣкъ бреднями, пустымъ фантазерствомъ, почти глупостію, способными рѣшить принятыя ими на себя задачи, а обсуждаемые ими предметы или вовсе не существующими, или недоступными изслѣдованію. По ученію Огюста Конта, человѣчество переживаетъ три стадіи развитія, или три періода: *теологическій*, *метафизическій* и *позитивный*, соотвѣтственно тремъ способамъ познанія міра: религіозному, философскому и научному или опытному; образованные народы уже пережили обѣ первыхъ, ниспихъ, стадіи развитія и вступили въ третій, высшій, періодъ его; покинувши, или продолжая покидать теологическій и метафизическій способы познанія, какъ несовершенные и несоотвѣтствующіе достигнутой ими ступени развитія, они обратились къ опытному познанію, какъ единственно истинному. Это ученіе главы позитивизма отвѣчало духу времени. Чрезмѣрно отвлеченная и превыспренняя идеалистическая философія Гегеля и Шеллинга не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, чрезвычайное увлеченіе ею смѣнилось разочарованіемъ, и мысль бросилась въ противоположную крайность самаго узкаго эмпиризма, въ которомъ высоко цѣнили простоту, наглядность, ясность, общедоступность и осязательность добываемыхъ результатовъ,

т. е., именно тѣ свойства, которыхъ не имѣла туманная идеалистическая метафизика. Сверхчувственное бытіе было или совсѣмъ отвергнуто, или, по крайней мѣрѣ, были признаны тщетность и безплодность, даже вредъ, усилій познать его. Такими путями доходили до религіознаго невѣрія, или до религіознаго скептицизма. Міръ сверхчувственный былъ или сознательно отвергнутъ, или полубезсознательно забытъ; органами познанія признаны только внѣшнія чувства, единственнымъ научнымъ методомъ—методъ эмпирической, предметомъ познанія—видимый міръ, или какъ цѣлое—въ матеріалистической философіи, или какъ совокупность мелкихъ явленій—въ естественныхъ и техническихъ наукахъ, сущность познанія стали полагать исключительно въ наблюденіи, описаніи, группировкѣ и изясненіи явленій.

Но съ семидесятыхъ годовъ уже не осмѣиваютъ ни эстетики, ни метафизики, ни богословія, а если матеріалисты и позитивисты и осмѣиваютъ ихъ, то не находятъ сочувствія и поддержки. Въ общемъ мнѣніи значеніе и цѣнность этихъ областей знанія возвысились, къ изслѣдованію ихъ обратились и многіе свѣтскіе ученые, и всѣ науки о сверхчувственномъ бытіи стали оживляться. Возрастающее сочувствіе къ изслѣдованію духовнаго міра, чѣмъ недавно пренебрегали, есть крупный шагъ на пути къ признанію бытія этого міра и великаго значенія для жизни человѣка изученія его.—Съ другой стороны, измѣнились, какъ характеръ опытныхъ наукъ, такъ и значеніе ихъ въ наукѣ вообще и въ жизни. Въ послѣднее время среди самихъ естествовѣдцовъ стали раздаваться голоса противъ крайней спеціализаціи знаній, противъ склонности къ подробнѣйшему изученію мелочей, и приглашенія обратить побольше вниманія на изслѣдованіе связи между явленіями, на объединеніе и обоснованіе добытыхъ раньше мелкихъ знаній. Такимъ образомъ и естествовѣды начинаютъ склоняться въ сторону умозрѣнія, между тѣмъ какъ еще недавно признавали его непримѣнимымъ и вреднымъ для естествознанія. Впрочемъ и раньше самые ревностные сторонники опыта незамѣтно для самихъ себя доходили иногда до выводовъ, имѣющихъ подъ собою не больше фактической почвы, нежели осмѣянная ими старая метафизика. Далѣе,

естествознаніе теперь уже не проникнуто духомъ матеріализма въ такой степени, какъ двадцать — тридцать лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, естествознаніе въ настоящее время не имѣетъ уже недавняго своего значенія науки, направляющей мыслію и жизнью общества. Оно не стоитъ, какъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, во главѣ всего умственнаго движенія и тѣмъ болѣе не отождествляется съ послѣднимъ; естествовѣды по прежнему изучаютъ подлежащіе ихъ вѣдѣнію предметы, но никто уже не воскуриваетъ ейміама естествознанію, никто не называетъ его верховнымъ, преимущественнымъ, или единственно научнымъ знаніемъ, никто не приписываетъ ему какого-то особаго просвѣтительнаго вліянія. Послѣ широкаго полномводнаго разлива естествознаніе вошло, такъ сказать, въ свои берега и скромно осуществляетъ свойственныя ему задачи, дѣлаетъ свое дѣло. Въ шестидесятыхъ годахъ эмпирическая простота, ясность и наглядность были признаны началомъ и концомъ воспитанія и обученія, и въ достиженіи ихъ педагоги доходили до притупляющей дѣтей пошлости: теперь, напротивъ, сознаны слабыя стороны педагогическаго опрощенія и устраняются крайности его. И въ другихъ областяхъ жизни, въ наукѣ и въ искусствѣ сильное вліяніе естествознанія сказалось тогда въ склонности къ опрощенію, къ натурализму, къ практичности: а въ настоящее время натурализмъ въ искусствѣ не признается уже высшимъ достоинствомъ его, и слова „простенькій“ и „практичный“ перестали служить терминами для обозначенія высокаго качества предмета. Въ философіи произошелъ или происходитъ поворотъ отъ матеріализма къ спиритуализму, въ искусствахъ и въ литературѣ—отъ натурализма къ идеализму, въ наукѣ—отъ эмпиризма къ умозрѣнію, въ жизни — отъ практицизма къ идеализму, вообще же взоры людей стали чаще обращаться къ идеальному и небесному, нежели прежде.

Третій, очень наглядный, признакъ наступившаго и возрастающаго укрѣпленія вѣры въ Бога и упадка безбожія можно видѣть въ обмелѣннн тѣхъ философскихъ и научныхъ теченій мысли, которые были или источниками безбожія, или поддерживали его. — Такъ, цвѣтущая пора философскаго матеріализма миновала. Напр.;

въ семидесятихъ годахъ извѣстный матеріалистъ Бюхнеръ читалъ одну зиму въ Германіи, другую въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ публичныя лекціи, въ которыхъ онъ опровергалъ доказательства бытія Божія и изъ которыхъ онъ потомъ составилъ брошюру подъ заглавіемъ *Gottesbegriff* (понятіе о Богѣ). И къ лекціямъ, и къ брошюрѣ его, какъ ученая критика, такъ и ежедневная печать отнеслись съ полнымъ равнодушіемъ, почти не замѣтили ихъ. Такія же пустыя, пefилософичныя и не строго ученныя, какъ и его пресловутая книга *Сила и Матерія*, онѣ не произвели и сотою доли того вліянія, которое имѣла въ шестидесятихъ годахъ эта послѣдняя книга. Мошешоттъ забыть совершенно. Фогта теперь знаютъ только какъ ученаго зоолога, а не какъ матеріалиста. Новыхъ талантливыхъ матеріалистовъ, которые овладѣли бы вниманіемъ ученыхъ людей и оказали значительное вліяніе на общество, ни одного не явилось.

Почти то же случилось и съ раціонализмомъ. Старыя, нѣкогда очень распространенныя, сочиненія раціоналистовъ забыты, новыя не возбуждаютъ ни особаго научнаго интереса, ни общественнаго вниманія и сочувствія. Сочиненія основателя Ново-тубингенской школы богослововъ Баура забыты, и самая школа распалась и больше не существуетъ. Сочиненія Штрауса общество забыло, да и ученые богословы ссылаются на нихъ не часто; вліяніе его сочиненій на жизнь давно кончилось, вліяніе на ученую литературу ничтожно. Другой, болѣе самого Штрауса популярный и талантливый раціоналистъ Эрнестъ Ренанъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ Сентябрѣ 1892 г., писалъ много какъ ученыхъ сочиненій, такъ и публицистическихъ рѣчей и статей, и имя его доселѣ пользуется извѣстностію не въ одной Франціи. Однако послѣднее многотомное сочиненіе его *L'Histoire du peuple d'Israël* (Исторія Израильскаго народа), равно какъ и другія его сочиненія, появившіяся въ послѣднія двадцать лѣтъ, не имѣли и малой доли того успѣха, которымъ пользовалось въ шестидесятихъ годахъ его сочиненіе: *La vie de Jesus Christ* (Жизнь Иисуса Христа). Напротивъ, недавно вышедшая книга французскаго проповѣдника Дидона, подъ заглавіемъ *Jesu Christ* (Иисусъ Христосъ), описывающая жизнь Богочеловѣка въ библейско-церковномъ духѣ, обра-

тила на себя общее вниманіе ¹⁾. Конечно, и теперь есть не мало писателей - рационалистовъ въ Германіи, которую можно назвать отечествомъ рационализма; но они далеко не имѣютъ того вліянія, которое оказывали на науку и жизнь ихъ предшественники.

Изъ трехъ главныхъ представителей позитивизма теперь нѣтъ въ живыхъ ни одного, такъ какъ и самый позднѣйшій изъ нихъ Гербертъ Спенсеръ недавно скончался. Что касается до ихъ сочиненій, то сочиненія Огюста Конта и Джона Стюарта Милля если и не забыты, то и не вращаются въ обществѣ; и теперь значительно распространены только сочиненія Спенсера. Но послѣдователи этихъ основателей позитивизма не равняются съ ними ни талантами, ни новизной идей, ни вліятельностію на умы.

Дарвинизмъ еще силенъ и по прежнему распространенъ очень широко, но пора увлеченія имъ стала проходить. Критика открыла много важныхъ недостатковъ въ этомъ ученіи; научная цѣнность его упала въ общемъ мнѣніи; между тѣмъ какъ прежде его признавали величайшей теоріей и не сомнѣвались въ его истинности, теперь его признаютъ только гипотезой; стали раздаваться голоса и противъ развращающаго вліянія дарвинизма на нравы. Однимъ словомъ, прежній авторитетъ дарвинизма пошатнулся, и дальнѣйшее паденіе его есть только дѣло времени. Тѣмъ болѣе основанія ожидать этого, что дарвинисты, повидимому, не могутъ прибавить въ пользу своего ученія ничего существенно важнаго и заняты только дробнымъ раскрытіемъ темъ, поставленныхъ главами эволюціонной гипотезы.

Въ полной силѣ остается только социализмъ. Въ настоящее время трудно сдѣлать предсказаніе объ его будущности. Судьбы его будутъ зависѣть отъ политическихъ событій, отъ экономическаго состоянія и всего строя гражданской и государственной жизни всѣхъ образованныхъ народовъ, а какія будутъ политическія событія и каковъ будетъ общій складъ жизни этихъ народовъ даже не въ далекомъ будущемъ, этого никто не знаетъ. Мы можемъ

¹⁾ Появилось два перевода сочиненія Дидона на русскій языкъ: одинъ издавъ редакціей журнала „Паломникъ“, другой протоіереемъ Рождественскимъ.

высказать только пѣсколько соображеній о будущности социализма. Намъ кажется, что онъ, какъ и всякое вообще оппозиціонное движеніе, съ теченіемъ времени потеряетъ свой жгучій, острый характеръ. Уже и теперь анархизмъ, представляющій крайнее проявленіе социализма, возбуждаетъ общее негодованіе, и далѣе, вѣроятно, сами социалисты признаютъ динамитъ нецѣлесообразнымъ орудіемъ для успѣховъ своего дѣла. Можно также предполагать, что въ будущемъ социализмъ будетъ распространяться не съ такой ужа-сающей быстротой, какъ въ послѣднія двадцать лѣтъ; потому что до сихъ поръ социализмъ былъ крѣпокъ своимъ единодушіемъ, а далѣе, по мѣрѣ умноженія числа социалистовъ и охлажденія оппозиціоннаго духа, социалисты раздѣлятся на партіи и чрезъ это утратятъ силу. Наконецъ, должно сказать, что социализмъ есть движеніе политическое и социально-экономическое, а не религіозное. Въ настоящее время социалисты, дѣйствительно, большію частію люди невѣрующіе; но это главнымъ образомъ потому, что когда зарождался современный социализмъ, тогда вѣялъ духъ невѣрія и скептицизма, которымъ и было проникнуто первое поколѣніе социалистовъ, передавшее религіозный нигилизмъ и младшему, теперешнему, поколѣнію социалистовъ. Теперь духъ невѣрія ослабѣваетъ, поэтому онъ неизбѣжно ослабѣетъ и среди социалистовъ. Правда, невѣріе въ социалистахъ поддерживается еще ихъ враждой противъ Церкви, которая, за исключеніемъ католическихъ странъ, идетъ объ руку съ гражданскимъ правительствомъ и поддерживаетъ существующій порядокъ государственной, общественной и семейно-личной жизни, есть учрежденіе, непріязненное социализму; вражда же социалистовъ противъ Церкви естественно переходитъ въ непріязнь и къ религіи. Но, какъ мы думаемъ, въ послѣдствіи оппозиціонный жаръ въ социализмѣ охладѣетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣетъ и непріязнь социализма къ Церкви и религіи. Въ настоящее время связь между социализмомъ и невѣріемъ очень близкая, но не необходимая, а потому, можно предполагать, временная; въ будущемъ она если и не прекратится совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ ослабѣетъ. Социализмъ предъявляетъ требованія экономическія, а не религіозныя. Есть безбожники, враждебные социализму, и на оборотъ, не всѣ социалисты—

люди невѣрующіе. Богачу, хотя бы онъ былъ и безбожникомъ, очень трудно стать социалистомъ; напротивъ, бѣдняку или рабочему, будь онъ и вѣрующій человекъ, не легко устоять противъ соблазна примкнуть къ социалистамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними добиваться повышенія заработной платы и уменьшенія рабочихъ часовъ въ сутки. А разъ связь между социализмомъ и безбожіемъ не есть всегдашняя необходимость, то уже нѣтъ причинъ опасаться распространенія безбожія соотвѣтственно расширенію социализма ¹⁾).

Четвертымъ признакомъ переживаемаго нами переворота въ духѣ времени должно признать пробудившійся и все возрастающій въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ интересъ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, къ богословію, къ ученію о христіанской вѣрѣ и нравственности. Особенно это замѣтно у насъ въ Россіи. На западѣ, въ католическихъ и протестантскихъ странахъ, богословіе всегда занимало почетное мѣсто среди другихъ наукъ. Конечно, въ эпохи невѣрія его вліяніе ослабѣвало, однако даже и въ

¹⁾ Оппозицію германскаго рейхстага правительственному законопроекту, которымъ народныя школы отдавались въ руки духовенства, канцлеръ Каприви объяснялъ неприязнью социалистовъ и другихъ свободомыслящихъ партій рейхстага къ религіи. Это справедливо относительно современныхъ социалистовъ, которые, дѣйствительно, въ большинствѣ своемъ глѣ враждебны религіи, или равнодушны къ ней, но не относительно социализма вообще. Причину провала этого школьнаго законопроекта нужно видѣть не въ одной враждѣ невѣрующихъ членовъ рейхстага къ религіи, а еще во враждѣ вѣрующихъ протестантовъ противъ католиковъ, въ несочувствіи народа къ полонофильской политикѣ правительства. Германія въ большей половинѣ своей—страна протестантская и кормило правленія ея держитъ Пруссія—земля чисто-протестантская. Могли-ли члены рейхстага изъ числа вѣрующихъ протестантовъ вотировать за проектъ, который начальное образованіе въ католическихъ земляхъ имперіи отдавалъ въ распоряженіе католическаго духовенства, т. е., во власть папы? Такому голосованію препятствовали и вѣроисповѣдная рознь между протестантами и католиками, и государственныя соображенія, такъ какъ южно-германскія, католическія земли съ Баваріей во главѣ и доселѣ еще не слились съ сѣверной протестантской Германіей и даже питаютъ затаенную неприязнь къ Пруссіи. Усиливать въ нихъ вліяніе на народъ католическаго духовенства, которое никогда не отказывалось стъ участія въ политическихъ интригахъ и которое подчиняется главѣ, живущему внѣ имперіи и дѣйствующему не за одно съ нею, значить поддерживать рознь между католическими и протестантскими частями Германіи.

такія времена оно интересовало по крайней мѣрѣ часть общества. Несравненно въ худшемъ положеніи находится богословіе въ Россіи. Мы не говоримъ уже о невѣрующихъ: даже и вѣрующіе, или полувѣрующіе образованные люди, если только они получили образованіе не въ духовныхъ, а въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, богословія не знаютъ и не считаютъ нужнымъ знать, по закоренѣлому предубѣжденію не считаютъ его наукой, и отзываются о немъ пренебрежительно, какъ о мертвой и сухой схоластикѣ. Свѣтскіе журналы, даже и не либеральные, богословскихъ статей не помѣщаютъ; а въ своихъ критическихъ обзорѣніяхъ вышедшихъ книгъ и журнальныхъ статей они даютъ мѣсто всѣмъ наукамъ, даже и техническимъ, но только не богословію. Это значитъ, что они послѣднее и въ науку не ставятъ, или же не разсчитываютъ, чтобы ихъ подписчики стали интересоваться богословскими статьями и замѣтками. Невѣжество свѣтскихъ образованныхъ людей въ ученіи вѣры и нравственности круглое. Даже писатели, если они въ своихъ романахъ, повѣстяхъ, разсказахъ, ученыхъ или критическихъ статьяхъ и отчетахъ, мимоходомъ что нибудь скажутъ относящееся къ богословію или церковной исторіи, на пятидесяти строкахъ не обойдутся безъ грубой ошибки. Къ вопросамъ вѣры и нравственности свѣтскіе образованные люди равнодушны: они ихъ и не знаютъ, а если и слышатъ о нихъ, то пропускаютъ безъ вниманія.— Но въ послѣднія пятнадцать лѣтъ русскіе полуобразованные и образованные люди стали понемногу заинтересовываться вопросами религіи и нравственности; въ настоящее время богословіе привлекаетъ взоры правительства, образованнаго общества и народа не меньше, чѣмъ въ шестидесятихъ годахъ естествознаніе. Соотвѣтственно этому увеличилось и благотворное вліяніе христіанскаго вѣроученія и нравоученія на жизнь. Гражданское правительство болѣе, чѣмъ когда либо, опирается теперь на нравственную силу Церкви. Въ начальномъ образованіи религіозно-нравственное ученіе заняло такое же верховное мѣсто, какое въ шестидесятихъ годахъ въ немъ предоставлялось ученію о природѣ. По почину правительства, разныхъ учреждений и частными лицами народу предлагаются собесѣдованія о предметахъ христіанской вѣры и нравственности, привлекающія

много слушателей. Оживилась также и устная полемика противъ раскола и сектантства. Духовенство приглашено принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, и это участіе имѣло слѣдствіемъ значительное увеличеніе числа народныхъ училищъ. Какъ въ церковно-приходскихъ, такъ и въ прочихъ школахъ воспитаніе и образованіе ведется теперь въ церковномъ духѣ. Духовенство же трудится надъ искорененіемъ въ простонародьѣ пьянства — этого источника нищеты и преступленій. Вопросы вѣры и нравственности и жизнь Церкви стали привлекать вниманіе свѣтскихъ образованныхъ людей. Многіе изъ свѣтскихъ людей поступаютъ теперь въ духовно-учебныя заведенія и принимаютъ духовный санъ. Свѣтская литература изрѣдка стала обсуждать если не вопросы вѣры, къ чему она еще не подготовлена, то по крайней мѣрѣ вопросы нравственности. Самые успѣхи проповѣди неправославныхъ учителей: проповѣдника Редстока, Пашкова и графа Л. Н. Тостаго, хотя они и составляютъ зло, свидѣтельствуютъ о пробужденіи религіозно-нравственныхъ запросовъ въ свѣтскомъ образованномъ обществѣ. Людямъ, получившимъ богословское образованіе въ православномъ духѣ, остается только отвѣчать на эти запросы. И теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, усердное исполненіе ими своего святаго долга принесетъ плодъ сторицею, такъ какъ и устное, и письменное ихъ слово теперь повсюду найдетъ удобную для принятія и роста его почву.

Частичное пробужденіе религіозно-нравственныхъ интересовъ въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ проявилось въ морализмѣ. Между тѣмъ какъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ ученіе о нравственности было въ полномъ пренебреженіи, не привлекало вниманія не только философовъ и свѣтскихъ ученыхъ, но даже и богослововъ, а Бокль объявилъ его неспособнымъ къ развитію, въ настоящее время раскрытію нравственныхъ вопросовъ посвящаютъ силы и философы и богословы, а нравственности приписывается первостепенное значеніе въ жизни личной и общественной. Такъ, въ Германіи нравственная философія недавно возродилась въ ученіи новокантианцевъ. Протестантскій богословъ Ричль, слѣдуя отчасти началамъ философіи Лотце, положилъ въ основу своего богословія ученіе о

правственности, о нравственномъ союзѣ людей въ царствѣ Божіемъ или въ Церкви. Ричль нашелъ среди протестантскихъ богослововъ многихъ приверженцевъ и произвелъ большое движеніе въ протестантскомъ богословскомъ мірѣ. Въ Россіи въ послѣдніе годы разработкой нравственныхъ вопросовъ усиленно занимался графъ Л. Н. Толстой. Его сочиненія: *Исповѣдь*, *Въ чемъ моя вѣра?*, *Ueber das Leben*, статьи, помѣщенные въ 12-й и 13-й частяхъ полнаго собранія его сочиненій, и другія его произведенія, написанныя въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, посвящены главнымъ образомъ изслѣдованію нравственныхъ вопросовъ. Вооружаясь противъ научнаго интеллектуализма, выставляя на видъ ненужность и бесплодность разныхъ наукъ, которымъ теперь и счету нѣтъ, онъ верховнымъ и самопужнѣйшимъ знаніемъ признаетъ ученіе о нравственности или, по его терминологіи, „ученіе о жизни“. Возставая противъ преобладанія въ жизни чувственности, обличая легкость и развращеніе нравовъ, онъ достоинство человѣка, цѣну, счастье и истинную цѣль его жизни опредѣляетъ исключительно его нравственной чистотой и высотой. Въ его сочиненіяхъ слова: „жизнь“ и „нравственная жизнь“, означаютъ одно и то же понятіе. По своему характеру морализмъ графа Толстаго, какъ и всѣ его религіозно-нравственныя воззрѣнія, пропитанъ пантеизмомъ, есть ученіе одностороннее, извращенное и противоцерковное. Но мы оцѣниваемъ его теперь не по существу, а какъ одно изъ знаменій времени, какъ проявленіе духа времени, стоящее въ ряду другихъ историческихъ теченій мысли ¹⁾. Въ этомъ отношеніи самая односторонность и крайность толстовскаго морализма именно и характеризуетъ его, какъ рѣзкую противоположность практическому материализму и безбожію, а также и одностороннему интеллектуализму. Этотъ морализмъ есть прямой и рѣзкій контрастъ и противовѣсъ легкости и распущенности нравовъ, господству чувственности и преобладанію матеріальныхъ интересовъ—этихъ неизбѣжныхъ послѣдствій материализма и невѣрія. Пренебреженіе въ предшествующій періодъ ученіемъ о нравственности и самую нравственно-

¹⁾ Оцѣнка морализма графа Толстаго сдѣлана нами въ брошюрѣ: *Истинное христіанство и гуманизм*.

стію и привело, въ силу закона реакціи, къ современному морализму. Въ высшей степени замѣчательно, что либералы матеріалистическаго духа сильно нападаютъ на ученіе графа Толстаго,—не потому-ли нападаютъ, что чуютъ въ немъ совсѣмъ иной духъ, нежели какимъ проникнуты сами. Что морализмъ графа Толстаго отвѣчаетъ духу времени, это обнаруживается въ замѣтной силѣ вліянія его нравоученія на общество. Нашлись люди, которые, будучи увлечены его проповѣдію о безусловной необходимости для собственнаго счастья человѣка вести строго-нравственную жизнь, жизнь по ученію Евангелія, рѣшились буквально исполнять требованія его проповѣди, не смотря на ригористическій характеръ ихъ, напр., роздали свои имѣнія, отказались отъ изнѣженной и роскошной городской жизни и взялись за черный земледѣльческій трудъ. Безъ сомнѣнія, еще больше число такихъ людей, которыхъ его нравоученіе заставило по крайней мѣрѣ задуматься и одуматься, пробудило отъ легкомысленной безопасности и показало имъ, что тотъ образъ жизни, котораго большинство людей добивается, какъ идеала счастья, на самомъ дѣлѣ ведетъ къ несчастіямъ и къ гибели, да и самъ по себѣ не достоинъ человѣка, и что истинное счастье человѣка заключается въ жизни по ученію Христа, а отнюдь не по ученію міра. Морализмъ графа Толстаго вреденъ, какъ ученіе одностороннее и соединенное съ непріязнію къ Церкви; но оно полезно, какъ бичъ легкомыслія, эпикурейства и безнравственности, какъ реакція противъ практическаго матеріализма и безбожія. Современный морализмъ должно признать пятымъ и особенно характернымъ признакомъ рѣзкаго поворота въ духѣ нашего времени отъ практическаго матеріализма къ идеализму, отъ эпикурейства къ нравственнымъ основамъ жизни, отъ невѣрія къ вѣрѣ. И не знаменательно-ли, что ярымъ моралистомъ въ наши дни явился бывшій безбожникъ? Въ немъ самомъ совершился тотъ рѣзкій поворотъ отъ невѣрія къ вѣрѣ, который теперь происходитъ въ самой жизни образованныхъ народовъ.

Намъ могутъ возразить, что если не въ Россіи, то по крайней мѣрѣ на Западѣ невѣрующихъ въ настоящее время едва-ли меньше, нежели сколько было ихъ въ шестидесятыхъ годахъ; быть можетъ, ихъ теперь даже больше, чѣмъ

было тогда. Возможно, что это и такъ, если принять во вниманіе, какое множество теперь на Западѣ социалистовъ. Мы сами въ предыдущей главѣ говорили о томъ, какъ широко распространено безбожіе въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе мы всетаки утверждаемъ, что теперь сила безбожія не возрастаетъ, а падаетъ. Духъ времени несомнѣнно измѣнился: насколько онъ былъ благопріятенъ для роста безбожія тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, настолько неблагопріятенъ ему теперь, а это-то и важно. Какъ бы ни было теперь распространено безбожіе, но разъ духъ времени сталъ ему неблагопріятенъ и, тѣмъ болѣе, непріязненъ, оно неизбѣжно должно ослабѣть. Только для этого требуется не малое время. Послѣдствія переменъ въ духѣ времени осязательно и въ полной мѣрѣ обнаруживаются только чрезъ десятки лѣтъ. Если безбожіе и теперь очень распространено, то это не значитъ, что оно опять и опять возрождается и обновляется: оно идетъ къ упадку; но не сошли еще въ могилу поколѣнія, воспитавшіяся и возросшія въ эпоху процвѣтанія невѣрія, не говоря уже о вышедшихъ изъ ихъ школы младшихъ современникахъ. Безбожіе еще очень сильно, но сила его заключается не столько въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя не значительны, сколько въ старомъ запасѣ, который отъ времени истощится. Многочисленность невѣрующихъ въ наше время объясняется особыми условіями современной жизни: при широкомъ распространеніи грамотности, при умноженіи и облегченіи способовъ распространенія печатнаго слова, при быстротѣ и удобствѣ обмѣна мыслей, современное невѣріе на Западѣ проникло въ среду рабочихъ и вообще въ низшіе, т. е., самые многочисленныя, классы населенія. Этимъ оно отличается отъ невѣрія прошлаго вѣка, которымъ были заражены люди только однихъ высшихъ классовъ. и этимъ оно особенно опасно. Но за то и противоодѣйствующіе безбожію также пользуются всѣми новыми средствами и способами для искорененія безбожія, для насажденія и распространенія вѣры въ Бога; напр., печать облегчала распространеніе невѣрія, но она же служитъ и удобнѣйшимъ способомъ для наученія людей истинамъ вѣры и нравственности. Обще наше заключеніе то, что безбожниковъ много и теперь, но самый духъ безбожія ослабѣлъ и

повѣдало. духомъ религіозности и церковности; а эта перемѣна неизбѣжно поведетъ къ уменьшенію числа невѣрующихъ, потому что новыхъ безбожниковъ будетъ прибывать мало, а старыя съ каждымъ годомъ будутъ быстро убывать, одни—постигаемые смертію, другіе — обращаясь къ вѣрѣ въ истиннаго Бога. Даже и въ худшемъ разѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться того, что безбожіе въ ближайшемъ будущемъ будетъ распространяться съ той же, или даже и большей силой, чѣмъ какъ было въ послѣднее время.

Склоненіе современнаго безбожія къ упадку, кратковременность настоящей, равно какъ и прочихъ эпохъ безбожія, незначительность числа этихъ эпохъ, ничтожность сравнительно со всѣмъ числомъ людей количества безбожниковъ даже въ безбожныя эпохи, когда безбожіе распространяется подобно эпидеміямъ,—а о прочихъ временахъ уже и говорить нечего,—возвратъ безбожниковъ къ вѣрѣ, совпаденіе эпохъ безбожія съ болѣзненными кризисами исторической жизни и философско-научной мысли, отрицательно-разрушительный характеръ и въ то же время безсиліе и ничтожество безбожія по существу его, — во первыхъ, служатъ намъ достаточными основаніями безъ страха и бодро думать о будущемъ, не смотря на широкое распространеніе безбожія среди современныхъ образованныхъ народовъ, во вторыхъ, подкрѣпляютъ добываемое еще и иными путями убѣжденіе, что религія есть неискоренимая, насущная потребность человѣка и всегдашняя принадлежность человѣческаго рода, что человѣческій родъ въ цѣломъ своемъ составѣ, въ настоящемъ и во всѣхъ прежде жившихъ поколѣніяхъ, во всѣхъ племенахъ и расахъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, всегда и вездѣ, имѣлъ и имѣетъ религію и что обладаніе религіей есть общее правило и норма жизни, свидѣтельствующее о здоровомъ состояніи и правильномъ теченіи послѣдней, тогда какъ, напротивъ, отрицаніе религіи и Бога есть рѣдкое исключеніе, уродство духа, или же болѣзнь его. Подобно тому, какъ существованіе идіотовъ и сумасшедшихъ нисколько не препятствуетъ признавать человѣка существомъ разумнымъ и здравомысліе — врожденною принадлежностію всего человѣческаго рода: такъ и существованіе безбожниковъ не подрываетъ

основанія признавать религію всеобщю и всегдашнюю, существовою и необходимою принадлежностію человѣческаго рода, нормальнымъ свойствомъ его жизни. Это сравненіе тѣмъ болѣе справедливо, что, не говоря о прочихъ временахъ, даже и въ эпохи наибольшаго распространенія безбожія убѣжденныхъ, закоренѣлыхъ и пераскаянныхъ безбожниковъ бывало не больше, нежели идіотовъ и неисцѣлимыхъ сумасшедшихъ, — и тѣмъ болѣе умѣстно, что безбожіе и въ самомъ дѣлѣ есть болѣзнь, — болѣзнь духа времени, духа общества и отдѣльныхъ лицъ во время эпидемій безбожія и болѣзнь личнаго духа въ прочія времена.
